

П-136

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

1862

П-3934

ОБЗОРЪ ЗАПАДНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ КАРАТАУСКИХЪ ГОРЪ

и

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЗЯТІИ КОКАНСКОЙ КРѢПОСТИ ЯНЫ-КУРГАНЪ.

Лѣтомъ 1861 года, владѣнія наши на р. Сыръ-Дарьѣ рѣшено было упрочить постройкою еще одного форта, именно на урочищѣ Джулекъ, верстъ на сто вверхъ по теченію отъ форта Перовскій и на томъ же правомъ берегу. До этого времени, здѣсь былъ на востокъ крайній предѣлъ нашихъ положительныхъ знаній страны: далѣе Джулека не было ни съемоковъ, ни рекогносцировокъ; а, между тѣмъ, отъ него видны ближайшія отрасли Каратаускихъ горъ. Рѣшившись, вслѣдствіе болѣе или менѣе уважительныхъ причинъ, что покажетъ время, занять этотъ пунктъ, естественно нельзя было не изслѣдовать его ближайшихъ окрестностей. Эта-то рекогносцировка выпала на мою долю.

Положеніе меньшаго форта, на самомъ лѣвомъ флангѣ всей линіи, вблизи отъ непріятельской крѣпости, притона грабительскихъ шаекъ Коканцевъ — Яны-Курганъ отъ Джулека въ прямомъ направленіи въ 73 верстахъ—должно было неминуемо привести къ мысли уничтожить это гнѣздо.

Весьма важною побудительною причиною было и есть то обстоятельство, что въ этихъ мѣстахъ кочуетъ довольно сильный и очень богатый родъ киргизскій — Кипчаки — который и теперь раздѣленъ: частию признаетъ власть Кокана, частию въ нашей зависимости. Такое положеніе, при извѣстной подвижности кочевыхъ народовъ, не могло долго сохраняться безъ важныхъ неудобствъ и, конечно, подавало поводъ къ разнымъ безпорядкамъ.

Все эти причины вмѣстѣ вызвали наступательное съ нашей стороны дѣйствіе. Начало похода зависѣло отъ многихъ условій, между прочимъ и отъ работъ вновь сооружаемаго Джулека, такъ что не ранѣе 20 сентября отрядъ выступилъ, по кратчайшему направленію, къ Яны-Кургану. Составъ нашей миниатюрной арміи былъ слѣдующій: офицеровъ 39, нижнихъ чиновъ 719 ($2\frac{1}{2}$ роты пѣхоты, 2 сотни уральскихъ казаковъ), 9 орудій и 2 ракетныхъ станка (4 кугорновыя мортиры, 2 полупудовыя мортиры и 3 четверть-пудовыя единарога), вооруженныхъ Киргизовъ болѣе 250 человекъ. Для подъема тяжестей, при колоннѣ слѣдовало 250 верблюдовъ. Должно замѣтить, что одинъ стрѣлковый взводъ былъ посаженъ по 2 человека на верблюда, и при немъ 20-дневное довольствіе. Движеніе было по возможности быстрое, и 23 сентября, на разсвѣтѣ, передовыя войска подошли къ Яны-Кургану. Пѣхота на верблюдахъ не отстала отъ казаковъ, хотя шли малой рысью около 20 верстъ, но пришла эта пѣхота, конечно, въ совершенной готовности къ бою, тогда какъ лошади казаковъ крайне устали, въ чемъ я скоро имѣлъ случай убѣдиться, какъ видно изъ донесенія, помѣщенного въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1862 годъ.

О самой осадѣ, основанной исключительно на дѣйствіи артиллеріи навѣснымъ огнемъ, мнѣ здѣсь нечего распространяться: вѣроятно, бывшіе тамъ спеціалисты не оставятъ высказать свое мнѣніе; могу только сказать, что никакая коканская крѣпость, будь она расположена и на выгоднѣйшемъ мѣстѣ, и при болѣе сильныхъ средствахъ обороны, не можетъ сопротивляться съ успѣхомъ нашимъ снарядамъ. Вообще должно замѣтить, что средне-азіатскіе наши непріатели жалкіе люди въ борьбѣ съ нами, и не подъ силу имъ тягаться съ цивилизованною націею. Теперь мнѣ совершенно понятны успѣхи Англичанъ, въ послѣднее время, при возмущеніи сипаевъ. Самый лучший Азіятецъ, будучи по своему весьма храбрымъ человѣ-

комъ, не можетъ не только устоять противъ нашей пѣхоты, но даже не отважится на серьезное нападеніе съ цѣлью уничтожить противника. Другое дѣло, когда онъ встрѣчается съ казакомъ, особенно на конѣ и поодиночкѣ: здѣсь перевѣсъ совершенно на его сторонѣ. Доказательствомъ можетъ служить рѣшимость малаго скопища конныхъ Коканцевъ пробиться въ крѣпость: они очень хорошо понимали, что быстрота аргамаровъ и карабагировъ всегда ихъ спасетъ отъ столкновенія съ пѣхотой, а сквозь слабый казачій конвой—около 20 человекъ—они тотчасъ рѣшились прорваться. Что это былъ расчетъ, а не храбрость, очевидно изъ того, что никто изъ нихъ при встрѣчѣ не думалъ драться: всѣ только хлопотали проскакать. Вотъ чѣмъ объясняется незначительность потери съ нашей стороны: одинъ раненый. Справедливость того, что они имѣютъ перевѣсъ надъ казаками, подтверждается и способомъ обороны уральцевъ: въ случаѣ нападенія, уральцы всегда спѣшиваются и отстрѣливаются, зная, что непріятель неохотно скачетъ на встрѣчу выстрѣлу. Въ настоящемъ случаѣ, конечно, не было ни времени, ни нужды спѣшиться.

Успѣхъ войнъ, въ этихъ краяхъ и съ этими людьми, будетъ всегда зависѣть главнѣйшимъ образомъ отъ матеріальныхъ средствъ, которыми обладаетъ отрядъ: если онъ имѣетъ достаточную артиллерію, хорошо стрѣляющую пѣхоту, продовольствіе и воду, да къ тому сумѣетъ себя обезпечить отъ нечаяннаго нападенія, то никакой перевѣсъ непріятеля или числительная слабость нашихъ силъ никогда не могутъ быть ему опасны. Конечно, къ тому надо прибавить умѣнье пользоваться своими преимуществами; не слѣдуетъ дѣйствовать наперекоръ здравому смыслу или придерживаться рутины. Въ поясненіе моихъ словъ, укажу на осаду Акъ-Мечети Русскими же, съ огромными средствами, сравнительно съ настоящею экспедиціею, но гдѣ рутина все дѣло испортила: орудія были выбраны, какъ будто бы собирались осаждать европейскую крѣпость, съ прикрытыми путями и каменною одеждою верховъ, а не четвероугольникъ съ высокими глиняными стѣнами, противъ которыхъ дѣйствіе ядеръ ничтожно и рикошетируваніе которыхъ невысказуемо. Коканская Акъ-Мечеть немного была больше Яны-Кургана, а какая разница въ средствахъ, въ ходѣ осады и потерѣ людей! Тамъ крѣпость взята въ 22 дня, здѣсь въ 23 часа — лучшаго доказательства истины моихъ словъ мудрено придумать. Цѣль предла-

*

гаемаго обзора не есть сравненіе этихъ двухъ экспедицій, что повело бы меня слишкомъ далеко и заставило бы исчислить подробно составъ и ходъ той и другой, которые болѣе или менѣе извѣстны военнымъ людямъ нашимъ. Точно также я не намѣренъ описать въ частностяхъ видъ самой крѣпости, похожей въ главномъ на всѣ другія средне-азіятскія твердыни, и ограничусь только указаніемъ на неудачный выборъ мѣстности подъ это укрѣпленіе. Яны-Курганъ стоялъ на солонцеватопесчаной равнинѣ, на правомъ берегу стараго русла Сыръ-Дарьи; равнина эта прорѣзана двумя канавами, или, лучше, овражками, подходящими къ ней на весьма близкое разстояніе и мѣстами столь глубокими, что конный можетъ въ нихъ скрыться. Кромѣ того, въ разстояніи 190 сажень отъ нея начинаются песчаные бугры, дающіе возможность скрыть множество людей; въ довершеніе всего въ самой крѣпости не было воды, доступъ къ которой весьма легко было отрѣзать, тѣмъ болѣе, что почти весь берегъ не можетъ быть обстрѣливаемъ съ верховъ. Изъ этого, однако, не должно вывести заключенія, что она составляетъ исключеніе, что другія крѣпости могутъ быть расположены лучше: часть этихъ недостатковъ неизбежна, по крайней мѣрѣ для средствъ Азіятцевъ. Всѣ коканскія крѣпости, которыя я имѣлъ случай видѣть, имѣли недостатки въ такомъ же родѣ: Джулекъ, Камышъ-Курганъ и теперь разрушенная Акъ-Мечеть ничуть не лучше были примѣнены къ мѣстности. Канавы и искусственные овраги на Сыръ-Дарьѣ такъ тѣсно связаны съ возможностью жить въ этихъ мѣстахъ, что ихъ можно считать естественными принадлежностями страны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ есть осѣдлое жительство. Но бываютъ случаи, когда эти канавы могутъ считаться весьма значительнымъ препятствіемъ для взятія крѣпости: я понимаю время разлива Сыра. Въ такое время, и при сильномъ наводненіи, весьма трудно будетъ тѣсно обложить крѣпость, а можетъ быть и совершенно невозможно приступить къ осадѣ, такъ что придется бомбардировать ее съ большаго удаленія; а успѣхъ такого дѣйствія, какъ извѣстно, весьма сомнителенъ. Въ такихъ условіяхъ находилась разрушенная теперь крѣпость Камышъ-Курганъ, на одномъ изъ разливовъ Куванъ-Дарьи.

Поэтому выборъ времени похода будетъ имѣть весьма важное вліяніе на успѣхъ предпріятія. Весною рѣка разливается обыкновенно весьма сильно въ апрѣлѣ, и это время для всѣхъ

наступательныхъ дѣйствій должно считаться неудобнымъ, за исключеніемъ того случая, когда весенняго разлива не бываетъ. Осенью разливовъ большихъ нѣтъ, т. е. съ сентября и до зимы. Это время имѣетъ еще два достоинства. Въ эти мѣсяцы на Сыръ-Дарьѣ овода, конечно, нѣтъ, и верблюды хорошо переносятъ климатъ, но за то иногда случаются дожди, затрудняющіе движеніе по глинистымъ солонцеватымъ равнинамъ, кормъ дѣлается весьма мало питательнымъ и—что главнѣе всего—холодныя ночи развиваютъ болѣзни въ войскахъ. Къ этому надо прибавить, что въ отдаленіи отъ большой рѣки, гдѣ приходится брать воду изъ колодцевъ и ключей, тѣ и другіе въ это время маловодны и очень часто горьковаты. Лѣтнее время, т. е. отъ мая до конца августа, обыкновенно считается, вслѣдствіе зноя, весьма неудобнымъ; но въ этомъ отношеніи я замѣтилъ совершенно противоположное: несмотря на нестерпимый жаръ и форсированные переходы, люди пользовались отличнымъ здоровьемъ, тогда какъ осенью этого никакъ нельзя сказать. Относительно скота должно замѣтить, что сильный оводъ лѣтомъ на рѣкѣ весьма изнуряетъ рогатый скотъ и лошадей, а жары въ долинѣ рѣки опасны для верблюдовъ, хотя дѣйствіе этихъ причинъ обнаруживается не тотчасъ, а только съ наступленіемъ первыхъ прохладныхъ дней, т. е. тогда, когда можно бы ожидать, что скотъ начнетъ поправляться. Это обстоятельство замѣчено всѣми живущими на Сырѣ. Падежъ скота въ массахъ начинается именно при болѣе умѣренной температурѣ, т. е. въ концѣ августа и началѣ сентября. Причина этого еще не разгадана; но фактъ всѣми замѣченъ.

Полагая, что, при выборѣ времени дѣйствій, надо всегда отдавать преимущество удобствамъ людей, я признаю лѣтнее время или весеннее, когда нѣтъ разлива, за самое удобное для степныхъ походовъ, при чемъ, конечно, надо только избѣгать долго стоять около большихъ зарослей камыша и стараться угонять скотъ въ пески. Въ этомъ отношеніи, отрасли Каратаускихъ горъ могутъ служить весьма удобнымъ сборнымъ пунктомъ; въ нихъ соединяются всѣ выгодныя условія весною и лѣтомъ: обиліе воды, кормъ, умѣренныя жары вслѣдствіе возвышенія мѣстности. Собраніе же значительныхъ силъ, съ ихъ перевозочными средствами, на самой Сыръ-Дарьѣ въ лѣтнее время всегда будетъ опасно, и значеніе Каратаускихъ горъ въ военномъ отношеніи дѣлается чрезъ это еще важнѣе. Впро-

чемъ, надо замѣтить, что выше форта Перовскій на Сыръ-Дарьѣ оводъ встрѣчается постепенно меньше и около Джулека уже совершенно пропадаетъ, такъ что движеніе всякаго отряда вверхъ по Сыру отъ послѣдняго пункта не встрѣтитъ препятствія съ этой стороны; но такъ какъ тяжести всегда везутся на верблюдахъ, а эти животныя, почти безъ исключенія, въ лѣтнее время во всей долині Сыра, отъ неизслѣдованныхъ еще причинъ, гибнутъ, то для сбереженія ихъ необходимо будетъ держаться подошвы горъ. Собственно рекогносцировка началась, по взятіи и разрушеніи Яны-Кургана, движеніемъ легкаго отряда сперва по туркестанской дорогѣ на востокъ; потомъ, поворотивъ на сѣверъ въ горы и слѣдуя ими, онъ возвратился въ Джулекъ. Въ отрядѣ же находились взводъ стрѣлковъ на верблюдахъ, сотня казаковъ и одинъ ракетный станокъ; остальные войска возвратились прямымъ путемъ гораздо ранѣе и перешли въ фортъ Перовскій.

Теперь перейдемъ къ подробному описанію вновь снятой полосы, которая хотя не обнимаетъ очень обширнаго пространства—всего около 4,000 квадратныхъ верстъ—но, тѣмъ не менѣе, можетъ прибавить небольшую частичку къ познаніямъ нашимъ о Средней Азіи, географія которой намъ больше извѣстна только по догадкамъ, иногда, впрочемъ, весьма остроумнымъ.

Мѣстность эта, за исключеніемъ горной ея части, мало отличается отъ земли между фортомъ Перовскій и Джулекомъ: рѣка и здѣсь течетъ извилисто и между невысокими ровными берегами, но кромѣ многихъ не очень значительныхъ изгибовъ она дѣлаетъ довольно большой отлогій поворотъ къ югу, между Джулекомъ и урочищемъ Тюмень-Арыкъ, огибая, такимъ образомъ, пески Мешеули-Кумъ. Грунтъ земли до крѣпости Яны-Курганъ вездѣ глинистый, мало солонцеватый и по мѣрѣ удаленія отъ Джулека становится все тверже и тверже, что ясно можно замѣтить по уменьшенію пыли. Кромѣ вышепоименованныхъ песковъ Мешеули-Кумъ, на этой глинистой равнинѣ разбросаны тамъ и сямъ небольшіе песчаные барханы. Отъ крѣпости Яны-Курганъ къ востоку тянется довольно ровная мѣстность, но нѣсколько песчанистаго свойства, до отрасли горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Джиты-Тюбя, упирающихся въ Сыръ-Дарью. Мы воротимся къ обзору этихъ горъ, при описаніи Каратау; теперь разберемъ свойства этой равнины между ними и рѣкою. Все это мѣсто совершенно ровно, за исключеніемъ

одного оврага Акъ-Арыкъ, берущаго свое начало на урочищѣ Акъ-Джаръ, на берегу Сыръ-Дарьи, въ видѣ системы оросительныхъ канавъ, въ настоящее время заброшенныхъ; потомъ, съ копаней Соръ-Кудукъ, онъ превращается въ глубокій оврагъ, доходящій до озера Сары-Куль у Джулека. Кромѣ этого оврага, есть еще довольно большая канава Тюмень-Арыкъ, идущая почти параллельно съ оврагомъ и доходящая до горъ Кара-Мурунь — такъ называется западная оконечность Каратаускихъ горъ. Все это прежде служило для орошенія пашень, отъ которыхъ теперь едва сохранились слѣды; между тѣмъ, здѣсь кипѣла когда-то жизнь, какъ свидѣтельствуешь большое число разрушенныхъ крѣпостей, постовъ и три значительныя могилы Укъ-Чата, невдалекѣ отъ Джулека. Могилы эти сложены изъ обожженного кирпича и по формѣ и величинѣ своей отличаются рѣзко отъ окружающихъ ихъ могилокъ Киргизовъ, выстроенныхъ изъ комьевъ сырой глины. Изъ крѣпостей самая замѣчательная Сулакъ-Курганъ, на половинѣ дороги между Джулекомъ и Яны-Курганомъ. Ее почти можно назвать небольшимъ городкомъ: столько около нея разрушенныхъ зданій изъ жженого кирпича. Въ настоящее время трудно понять, какимъ образомъ сюда проникала вода въ достаточномъ количествѣ: до того теперь все пустынно и безводно. Единственныя мѣста съ водою копани Кукъ-Иримъ и Соръ-Кудукъ и еще незначительные родники, вѣроятно, отъ скопленія снѣжной воды — Тураигылъ — какъ и по дорогѣ изъ Джулека въ Яны-Курганъ.

Вообще вся мѣстность дельты Сыра представляетъ разительныя примѣры переменъ теченія водъ, иногда совершенно необъяснимыя. Такъ пространство между западною оконечностію Каратаускихъ горъ и солеными озерами, лежащими на меридіанѣ форта Церовскій, по словамъ Киргизовъ, усѣяно развалинами поселеній. Между тѣмъ, мѣстность эта не изслѣдована именно по причинѣ совершенной своей бесплодности и отсутствія воды, даже въ колодцахъ. Я самъ имѣлъ случай въ двухъ мѣстахъ убѣдиться, какимъ измѣненіямъ подвержена здѣсь земля, производя съемку въ окрестностяхъ форта № 1, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. Верстъ тридцать отъ форта, ниже по теченію, изъ рѣки выходитъ, въ числѣ другихъ оросительныхъ канавъ, и притокъ Боуджиде. Невольно называю это сооруженіе рукъ Человѣческихъ притокомъ: до того оно громадно. Канаву Боуджиде прослѣдилъ я на разстояніи болѣе семидесяти верстъ и

все-таки не дошелъ до конца ея; но она тамъ уже начинаетъ теряться въ дюнахъ Аральскаго моря. Глубина канавы различна, отъ двухъ до трехъ сажень, и ширина отъ трехъ до пяти. Вмѣстѣ съ тѣмъ она проведена весьма искусно по подошвѣ возвышенности, съ цѣлю орошать изъ нея близълежащую равнину безъ помощи водоподъемныхъ машинъ. Теперь въ ней вода доходить только верстъ на семь отъ рѣки, а тамъ русло засыпано на протяженіи около версты пескомъ. Эта работа принадлежитъ къ одному времени съ существованіемъ города Джанъ-Кента, отстоящаго на десять верстъ отъ ея устья выше по Сыру. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая кирпичи развалинъ Джанъ-Кента съ кирпичами сохранившейся на Боуджиде древней могилы Бигъ-минъ-ана. Могила имѣетъ видъ восьмигранной башни, отъ семи до восьми сажень высоты, съ заостреннымъ верхомъ. Памятникъ весьма хорошо сохранился, хотя ему, по меньшей мѣрѣ, два или три столѣтія. Снаружи онъ обложенъ въ четыре ряда обожженнымъ кирпичемъ, остальная часть стѣнъ изъ сырца. Все это относится къ весьма давнимъ временамъ; но мы имѣемъ подобный примѣръ отступленія водъ, совершившійся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ: я разумѣю рукавъ Сыра Куванъ-Дарью. Рѣка эта еще лѣтъ двадцать тому назадъ впадала въ Аральское море; теперь нижнее ея теченіе прекратилось верстъ на двѣсти слишкомъ. Причина этого явленія искусственная — вражда между Коканомъ и Хивой, которой принадлежало низовье рѣки. Первый всячески старался не пропускать воду во владѣнія Хивинцевъ и достигъ своей цѣли, запрудивъ Куванъ-Дарью въ разныхъ мѣстахъ около урочища Батпакъ-уткуль. Вслѣдствіе этого вся страна на западъ отъ названнаго мѣста обратилась въ безводную пустыню. Такую же попытку Коканцы сдѣлали съ другимъ рукавомъ, Яны-Дарьею, выходящимъ изъ Сыра нѣсколько выше Кувала; но эта рѣка часто разрушала плотину и съ 1857 года течетъ безпрепятственно. Объ этомъ предметѣ я уже разъ подробно говорилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» 1861 года, въ сентябрьской книжкѣ. Итакъ, вотъ обратный случай: рѣка возобновила свое теченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ создалась возможность жить по ея берегамъ, чѣмъ Киргизы уже и воспользовались. Ничто не мѣшаетъ предполагать возобновленіе теченія и Куванъ-Дарьи.

Воротимся къ разбору нашей мѣстности. На самой равнинѣ растутъ только саксауль и рѣдкая колючка. Изъ травъ,

годныхъ для корма скота, нѣтъ ни одной; только на днѣ оврага виднѣется мелкая и рѣдкая травка, которую скотъ ѣстъ, но весьма неохотно. Мѣстами на этой бесплодной равнинѣ встрѣчаются небольшія рощи тополей, растущихъ какъ бы противъ своей воли и очень скудно. Все это пространство заключено съ южной стороны рѣкою, съ сѣверной горами. Полоса по берегу рѣки хотя по своему строенію, за исключеніемъ песковъ, совершенно сходна съ равниною, но отличается весьма сильною растительностію: главнымъ образомъ колючка, джида, тополь и камышъ. Замѣчательно, что здѣсь камышъ и трава растутъ рѣдко гдѣ сплошными полями, но наполняютъ собою всѣ промежутки между колючкою, такъ что образуется непроходимая чаща, любимое убѣжище тигровъ, то, что Англичане называютъ jungle, испорченное татарское слово джынгыль. Полоса эта неширока и не можетъ считаться весьма кормнымъ мѣстомъ, такъ какъ трава по большей части совершенно недоступна кося и даже съ трудомъ вытравляется животными. Изъ этого дѣлаютъ исключеніе мѣста: на урочищѣ Бишъ-аралъ, на устьѣ Тюмень-арыкъ, на Ала-Кулѣ и Бозъ-Кулѣ, невдалекѣ отъ крѣпости Яны-Курганъ.

Совершенную противоположность представляютъ горы на сѣверѣ отъ равнины. Горы эти состоятъ изъ двухъ частей: на западѣ, передоваго мыса, если такъ можно выразиться, Кара-Мурунъ, и главнаго хребта — Каратау. Кара-Мурунъ сложился изъ песчаныхъ бугровъ, по большей части несыпучихъ, и на нѣсколько возвышенной подошвѣ; все это поросло джынгыломъ, колючкой, полынью и саксауломъ, изрѣдка гдѣ выглядываютъ камень, глинистые сланцы, слюда и кремень. Эта часть почти совершенно безводна, только на самомъ краю находятся родники Косъ-енке, около которыхъ растетъ камышъ, но довольно въ ограниченномъ количествѣ; на одинъ день, впрочемъ, хватить лошадей на сто. Отъ Каратаускихъ горъ Кара-мурунъ отдѣляется сѣдловатою возвышенностію, изъ твердыхъ песковъ, у подошвы которыхъ тянется довольно ровная мѣстность, и на ней повсюду разбросаны родники Мынъ-Булакъ (тысяча родниковъ), на югъ отъ которыхъ виднѣются тоже песчаные холмы такого же свойства, но нѣсколько ниже. Вообще горы оканчиваются не разомъ долиной, но у подошвы ихъ идутъ землистыя возвышенія, покрытыя осколками каменныхъ породъ хребта.

Главный хребетъ состоитъ изъ высокихъ скалъ, съ довольно обрывистыми склонами; только въ направленіи поперечномъ къ хребту тянутся отлогія долины, въ вершинѣ которыхъ вытекаютъ обыкновенно ключи. Самый хребетъ горъ плоскій или округленный, поэтому мало живописныхъ мѣстъ: ландшафтъ имѣетъ дикій, однообразный и пустынный характеръ. Первая съ запада долина носить названіе Шулакъ. Струящіеся по всему ея тальвегу ключи хотя и не образуютъ сплошнаго теченія, кромѣ весеннихъ разливовъ, но извѣстны подъ именемъ той же рѣки Шулакъ. Со стороны равнины эта долина сначала довольно открыта и суживается постепенно, а въ одномъ мѣстѣ образуетъ ущелье Капъ-касы, сажень въ 26 шириною, совершенно отвѣсными стѣнами, въ нѣсколько сотъ футовъ высоты. Вторая затѣмъ замѣчательная рѣчка Арыстанъ течетъ такимъ же образомъ плесами, но подъемъ по ней гораздо отложе и никогда не суживается до такой степени. Эта долина отличается еще тѣмъ, что принимаетъ направленіе болѣе параллельное хребту и въ вершинахъ своихъ выходитъ на совершенно почти ровное плато. Высота этого мѣста можетъ быть отъ 1,500 до 2,000 футовъ. Опредѣленіе это сдѣлано посредствомъ кипяченія воды, и, слѣдовательно, весьма приблизительно. Съ этого плато виднѣтъ еще рядъ горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Соусъ-Канды и Айгырь-Ушканъ, за которыми опять начинается равнина, идущая до самаго Сузака. Положеніе вершинъ этихъ горъ определено засѣчками; но дурное состояніе лошадей не дозволило ихъ осмотрѣть подробно и снять топографически. Восточнѣе оврага Арыстанъ еще одна замѣчательная рѣчка—Джидели. Она совершенно похожа на Арыстанъ, но подъемъ нѣсколько круче, въ перпендикулярномъ направленіи къ хребту, и, кромѣ того, она обильнѣе водою, равно какъ и притокъ ея Куттугужа-Сабага. На этомъ послѣднемъ выстроено шесть мельницъ, конечно незатѣйливыхъ, объ одномъ поставѣ, но достаточныхъ, чтобы перемолоть болѣе чѣмъ тамъ бываетъ хлѣба.

Между этими двумя рѣчками рѣзко выдается высокій каменный мысъ Угызъ-місь, за которымъ виднѣются горы Кара-Сюири и Бакарлы-Тау. На самыхъ рѣчкахъ разведены пашни, въ настоящее время въ небольшомъ количествѣ, и сохранился еще одинъ небольшой садъ. Съ этого мѣста, въ сѣверо-западномъ направленіи, отдѣляются твердыя песчанья горы и идутъ до Сыра-Джиты-Тюбя. Въ нихъ течетъ довольно обильная во-

дою рѣчка или ключъ Кражъ; но и она не достигаетъ главной рѣки. Отрасль эта отличается во всѣхъ отношеніяхъ отъ главнаго хребта: на ней не видно каменныхъ обнаженій, подъемы и спуски весьма отлоги, и, кромѣ того, она прорѣзана большою равниною, у разрушенной крѣпости Акъ-Кала, около которой въ недавнее еще время было развито значительное хлѣбопашество. Со стороны Сыра, у подошвы горъ, тянется нѣсколько песчаная и солонцеватая равнина Азой.

О наружномъ видѣ главнаго хребта можно сказать, что онъ состоитъ изъ скопища нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, почти совершенно безплодныхъ; только до половины лѣта по оврагамъ растетъ мелкая, но очень питательная трава, покрывая всѣ мѣста, гдѣ удалось удержаться землѣ.

На днѣ самыхъ овраговъ, по краямъ рѣчекъ, растутъ камышъ и рѣдкій тальникъ, единственная порода лѣса въ этихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, эти горы считаются у Киргизовъ весьма привольными, по слѣдующимъ причинамъ: съ начала весны и лѣтомъ онѣ играютъ въ экономіи ихъ роль нашей сѣверной степи, представляя удобныя мѣста для кочевокъ и спасая степной скотъ отъ губельнаго на Сырѣ овода. Но эти мѣста гораздо удобнѣе, нежели наша степь или пески Кара-Кумъ, такъ какъ Киргизы, угоняя свой скотъ, не удаляются вмѣстѣ съ тѣмъ на огромное разстояніе отъ своихъ пашень.

Въ настоящее время берега Сыра здѣсь не воздѣлываются, такъ какъ Киргизы опасаются съ одной стороны Коканцевъ, съ другой Русскихъ, не зная положительно, кому принадлежитъ территорія; но мѣстныя условія для земледѣлія довольно выгодны, и при другихъ обстоятельствахъ оно непременно здѣсь разовьется, въ той степени, какъ оно доступно полукочевымъ игенчамъ (бѣднякамъ).

Черезъ хребетъ этотъ со стороны Туркестана ведутъ двѣ дороги и одна тропинка.

Первая дорога идетъ отъ Туркестана прямо на сѣверъ на Сузакъ. Она доступна выучнымъ верблюдамъ, но не очень удобна для повозокъ, хотя, по словамъ Киргизовъ, для удобства проѣзда приняты нѣкоторыя мѣры и произведены незначительныя работы. Эта часть хребта, впрочемъ, еще не изслѣдована.

Вторая дорога, большая караванная, идетъ отъ Туркестана на Джаты-Тюбя и, здѣсь развѣтвляясь, направляется налѣво къ Акъ-Мечети, а направо по подошвѣ горъ, огибая мысъ Угысъ-

міисъ, подымается на нихъ и тянется или тропинкой по рѣчкѣ Джидели, или по оврагу Арыстанъ. По послѣднему оврагу подъемъ совершенно удобенъ для повозокъ, хотя путь довольно извилистъ и приходится переправляться два раза черезъ рѣчку, что по мелководію незатруднительно. По этому пути въ горахъ вездѣ есть кормъ и вода, но мѣста для ночлеговъ отрядовъ не совсѣмъ удобны въ военномъ отношеніи, такъ какъ высоты командуютъ непремѣнно позиціею. Дорога эта, проходя по вершинамъ Джидели и Арыстанъ, выходитъ на урочище Акъ-Сюмбе и черезъ горы Соусъ-Канды, поворачивая опять на востокъ, ведетъ также въ укрѣпленіе Сузакъ. Караваны теперь по этому пути рѣдко ходятъ, но прежде они направлялись здѣсь такимъ образомъ, что, не подымаясь по оврагу Арыстанъ, слѣдовали далѣе по подошвѣ горъ и, переходя хребетъ по сѣдловинѣ, оставляли Кара-Мурунъ влѣво и выходили прямо на рѣку Сары-Су, составляющую границу между степью оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ. Такимъ образомъ, они проходили между нашимъ фортомъ Перовскій и коканскою крѣпостью Сузакъ. Въ настоящее время этотъ путь оставленъ, по причинѣ беспокойныхъ здѣсь Киргизовъ, не признающихъ на самомъ дѣлѣ ни власти Кокана, ни нашего управленія. Эта дорога, безъ сомнѣнія, самая прямая къ городу Троицку и по удобству прохода безспорно лучшая, такъ какъ она не касается песковъ Каракумъ и голодной степи между фортомъ Перовскій и Оренбургскимъ укрѣпленіемъ. Тропинка, о которой я говорилъ, ведетъ отъ горъ Джиты-Тюбя прямо на укрѣпленіе Сузакъ; но она доступна только коннымъ: верблюды даже безъ выюка по ней проходятъ съ трудомъ и лошадей приходится мѣстами вести въ поводу. Сообщеніе форта Перовскій съ Туркестаномъ производится по описанной выше глинистой равнинѣ и, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ дорога отходитъ отъ рѣки и гдѣ вода и кормъ въ недостаточномъ количествѣ, довольно удобно; только осенью, во время ненастья, солонцеватыя мѣста образуютъ грязи, и мѣстами, впрочемъ не на большомъ разстояніи, слѣдованіе повозокъ затрудняется песками.

Вообще эта мѣстность въ военномъ отношеніи, конечно, сравнительно только со степью, принадлежитъ къ довольно удобнымъ; особенно дорога по берегу Сыръ-Дарьи можетъ со временемъ представить весьма хорошій путь, когда она очистится отъ зарослей.

Геологическое строеніе хребта хотя огненное и главная ось подъема состоитъ изъ гнейса и порфира, за которыми слѣдуютъ зеленые камни и яшмы, но дѣйствіямъ огненныхъ породъ подвергались ближайшіе къ подошвѣ слои, которые являются въ очень незначительномъ количествѣ и въ весьма немногихъ мѣстахъ въ видѣ кремнистыхъ и глинистыхъ сланцевъ. Иногда изверженныя породы переходятъ непосредственно, безъ сланцевъ, въ аллювіальную почву долины Сыра, напримѣръ у мыса Угысъ-міисъ. Почти единственная большая масса сланцевъ слюдястыхъ, кремнистыхъ и лавы, въ видѣ конгломератовъ, скопилась на западной оконечности горъ. Особенно замѣчательна здѣсь долина Иге-уль-ата. Горы, ее окружающія, сланцевыя, но дно ея состоитъ изъ песчаниковъ, частію годныхъ на жернова, а стѣны изъ толстыхъ наносовъ бѣлой глины и охры, ярко-краснаго и желтаго цвѣта, что даетъ ей весьма оригинальный видъ. Это, кажется, единственный здѣсь примѣръ неизмѣненныхъ огнемъ осадочныхъ породъ. Но ни здѣсь, ни далѣе къ западу на Кара-мурунѣ, нигдѣ не видны известняки, такъ что практическая польза минераловъ весьма ограничена. Что эти песчаники принадлежатъ къ позднѣйшему времени, можно догадаться изъ ихъ сложенія, хотя окаменѣлостей не найдено. Изъ числа рудъ здѣсь мною замѣчена только желѣзная, въ разныхъ видахъ (сферосидеритъ). Небольшое количество минераловъ, собранное во время рекогносцировки, позволяетъ думать, что хребетъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ метаморфозѣ, что подтверждается еще отсутствіемъ окаменѣлостей. Впрочемъ, интересный вопросъ этотъ нельзя рѣшить послѣ такого быстрого обзора, и очень можетъ быть, что, при точнѣйшемъ изслѣдованіи, будутъ найдены окаменѣлости, опредѣляющія достоверно его формацию.

Я сказалъ, что практическая польза минераловъ этихъ горъ мнѣ кажется ничтожною. Тѣмъ болѣе можно это примѣнить къ самой долинѣ Сыра, особенно по причинѣ безлѣся. Между тѣмъ, при постройкѣ Джулека, формальнымъ образомъ заявлено о существованіи золота, и, кажется, о нашей новой Калифорніи гдѣ-то уже успѣли печатно потолковать. Обязанность каждого честнаго человѣка разоблачать такой гумбугъ. Около Джулека золота нѣтъ и быть не можетъ. Это, впрочемъ, вовсе не печальное извѣстіе; но грустно то, что люди, которымъ, по своему званію, слѣдовало имѣть хотя легкое поня-

тіе о строеніи земной коры и которые на публичныхъ экзаменахъ, вѣроятно, получили 12 балловъ за минералогію, могли принять колчеданъ и мелкія блески слюды за металлъ, и не только увлечься временно, но упорно держаться своихъ убѣжденій. Что жь! *humanum est errare*. Этимъ еще дѣло не ограничилось, есть фактъ еще забавнѣе: почтенный строитель принялъ серьезно нашъ православный березовый деготь за нефть — до того воображеніе было настроено на великія открытія. Не шутя говоря, грустное явленіе.... Оставимъ его и обратимся къ нашему предмету.

Вотъ все, что я могу сказать о той небольшой части горъ, которую мнѣ удалось, хотя быстро, но лично обозрѣть; по вопросамъ же Киргизовъ и по сравненіямъ ихъ съ горами, бывшими передъ нашими глазами, мѣстность между хребтомъ и Туркестаномъ, или, вѣрнѣе, рѣкою Сыръ-Дарьею, схожа съ вышеописанною долиною; только тамъ нѣтъ совершенно наносныхъ песковъ, за то она прорѣзана отраслями горъ такого вида, какъ Джиты-Тюбя, которыя мѣстами довольно близко подходятъ къ Сыру, но главный, т. е. Каменный, хребетъ тянется по паралели и не уклоняется къ югу. Съ хребта скатываются небольшія рѣчки, не доходящія, впрочемъ, до главной рѣки. Горы эти также безлѣсны; только восточнѣе меридіана Туркестана, на скатахъ горъ, встрѣчаются лѣса, и тѣ не въ очень изобильномъ количествѣ. Впрочемъ, весьма трудно составить себѣ понятіе о странѣ по словамъ Киргизовъ, у которыхъ всякое растеніе, превышающее ростъ человѣка, называется агачъ, т. е. дерево, и нѣсколько десятковъ такихъ агачей составляютъ, по ихъ понятіямъ, лѣсъ. Одно, что они мнѣ могли достовѣрно сказать, это то, что въ этихъ горахъ нигдѣ не растетъ сосна — карагай — и что только гораздо дальше въ горахъ Алатау, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, по слухамъ, имъ извѣстно, что такія деревья растутъ въ изобиліи.

О населеніи этого спорнаго клочка земли еще труднѣе что либо сказать опредѣлительнаго: такъ въ мою бытность я тамъ не видалъ живаго существа — все откочевало вдаль, избѣгая встрѣчи съ нашими Киргизами, которые имѣютъ обыкновеніе не пропускать случая, пользуясь присутствіемъ русскаго отряда, ограбить своихъ собратій. На этотъ разъ опасеніе было напрасно: при отрядѣ не было вооруженныхъ Киргизовъ.

На западной оконечности Каратау кочуютъ въ настоящее

время Киргизы той части кипчакскаго рода, которая признаетъ еще надъ собою власть коканскаго хана; восточнѣе ихъ родъ Улу-джюзъ-дулатъ, до самаго Аулье-та, и, наконецъ, около Туркестана кунградскій родъ. Всего на этомъ пространствѣ можетъ быть до 80,000 кибитокъ, или, по 4 человѣка на кибитку, 320,000 человѣкъ.

Если къ этому прибавить кочевое населеніе около Туркестана и Ташкента, равно какъ осѣдлое этихъ двухъ городовъ, полагая въ первомъ около 6,000, во второмъ 40,000 жителей, то все населеніе Ташкентской области Коканскаго ханства, на востокъ нѣсколько далѣе дороги изъ Ташкента въ Аулье-та, составитъ около 500,000.

Надо замѣтить, что эта область только съ недавняго времени составляетъ часть ханства: прежде въ Ташкентѣ былъ независимый бекъ, и коренные и осѣдлые жители страны Сарты, особенно въ городѣ Ташкентѣ, равно какъ часть кочевыхъ, т. е. Киргизовъ, не очень расположены къ коканскому правительству. Нерасположеніе это весьма естественно поддерживается въ нихъ дурнымъ управленіемъ, очень похожимъ на систематическій грабежъ.

Здѣсь столкнулись три народности. Сарты, издревле побѣжденные, но на самомъ дѣлѣ теперь владѣтели края, считаютъ себя униженными и неохотно называютъ себя этимъ именемъ, а предпочитаютъ названіе Коканцевъ. Киргизы, терпѣвшіе столько притѣсненій отъ Коканцевъ, естественно тоже ихъ тайные враги, и хотя они черезъ своихъ бѣевъ роднились даже съ ханами—нынѣшній ханъ Меллябекъ по женской линіи принадлежитъ къ Кипчакамъ—но, тѣмъ не менѣе, неоднократно возмущались и принимали дѣятельное участіе въ смутахъ въ ханствѣ. Въ послѣднее время, весьма важную роль, сперва перваго министра, потомъ бунтовщика, игралъ Кипчакъ Бусурманъ-Куль-Чулакъ. Онъ былъ умерщвленъ Худояръ-ханомъ, изгнаннымъ теперь изъ Кокана и живущимъ у бухарскаго эмира. Кромѣ собственной неспособности изгнанника, убіеніе Бусурманъ-Куль-Чулака имѣло весьма сильное вліяніе на его участь, такъ какъ этого Киргиза всѣ уважали за его умъ и храбрость. Вражда и презрѣніе, питаемыя этими народностями, не покидаютъ ихъ даже на полѣ битвы подъ одними знаменами.

Коканцы, какъ всѣ Азіятцы, стараются всегда скрыть отъ непріятеля своихъ убитыхъ; но такого вниманія они никогда не

оказываютъ Киргизамъ, а оставляютъ ихъ наравнѣ со скотомъ на поруганіе враговъ, заботясь только о своихъ, какъ я самъ имѣлъ случай видѣть. Киргизы вообще называютъ своихъ угнетателей Сартами, конечно не въ глаза, но въ смыслѣ униженномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боятся ихъ до крайности, зная по опыту, что не могутъ съ ними бороться. Дѣйствительно, Коканецъ по всему стоитъ выше Киргиза: наружность его красивѣе, физическихъ силъ въ немъ несравненно больше, и, кажется, превосходитъ его и въ моральномъ отношеніи, хотя и онъ, наравнѣ со всякимъ Азіятцемъ, на столько же ползаетъ и унижается передъ силою, на сколько надмененъ, гордъ и жестокъ противъ слабыхъ.

Л. МЕЙЕРЪ.

П-136

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XXXI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

1863

1466-П

мнѣнію сторонниковъ этой системы, ничто столько не разбивается лошади и ничто столько не подвергаетъ всадника случайности паденія, какъ скачка безъ поводьевъ.“ Техническое выраженіе, принятое въ манежной ѣздѣ—ѣздить безъ поводьевъ, значить ѣздить на слабыхъ поводьяхъ. Если выраженіе „безъ поводьевъ“ употреблено въ томъ смыслѣ, то я вполне принадлежу къ помянутымъ сторонникамъ. Докажу это двумя фактами: 1) поражение системы Боше; 2) въ конницѣ, бывшей подъ моимъ начальствомъ, употреблялся особый урокъ — выстаиваніе лошади на тугомъ поводѣ: выровненная шеренга или эскадронъ стояли нѣсколько минутъ, и до получасу, неподвижно, съ подобранными поводьями и лошади въ шенкеляхъ.

Относительно разбитыхъ лошадей я не признаю существованія ихъ въ конницѣ, состоявшей значительное время подъ моимъ начальствомъ.

Графъ Д. ОСТЕНЬ-САКЕНЪ.

ОТВѢТЪ

РЕЦЕНЗЕНТУ „ИНЖЕНЕРНАГО ЖУРНАЛА.“

„Инженерный Журналъ“. (1862 г., № 6), въ отдѣлѣ „Критики и Библіографіи“, коснулся слегка, но весьма неблагоприятно, моей статьи „Обзоръ западной оконечности Каратаускихъ горъ...“ напечатанной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1862 года, № 10. Эта замѣтка не вызвала бы меня на отвѣтъ, если бы рецензія г. Безымяннаго хотя въ малой степени давала понятіе о содержаніи моей статьи. Но какъ, по всей вѣроятности, многіе прочтутъ одинъ только разборъ, то, не желая принимать на себя отвѣтственность за чужія мнѣнія, бросающія, подъ прикрытіемъ моего имени, тѣнь на уважаемую

корпорацію нашихъ военныхъ инженеровъ, я вынужденъ сдѣлать возраженіе. Г. Безъимянный начинаетъ: „дадимъ о ней (т. е. о моей статьѣ) краткое понятіе“; потомъ, перефразировавъ часть моего текста о составѣ отряда при осадѣ Яны-Кургана, продолжаетъ: „Г. Мейеръ, совершенно справедливо основываясь на заглавіи своей статьи, сказалъ только нѣсколько словъ объ этой осадѣ. Но надо сознаться, что какъ этихъ словъ ни мало, но содержанія въ нихъ тоже немного. Изъ нихъ можно узнать, что Яны-Курганъ *была взята* (Яны-Курганъ у г. рецензента женскаго рода!), но это, надѣюсь, и было уже извѣстно. Но какъ она взята, что для этого дѣлали? изъ статьи г. Мейера положительно не узнаешь.“ Самъ г. Безъимянный признается, что я не обѣщаль описать ходъ осады; почему же онъ полагаль, что я долженъ противорѣчить своему заглавію? Тѣмъ не менѣе, я упомянулъ, что Яны-Курганъ былъ взятъ артиллеріей, навѣснымъ огнемъ, значить указаль на способъ осады и на средства. Или г. Безъимянный ихъ не знаетъ?

Критикъ обидѣлся тѣмъ, что я посмѣль усомниться въ разумности дѣйствій при осадѣ Акъ-Мечети. Вотъ мои слова: „цѣль предлагаемаго обзора не есть сравненіе этихъ двухъ экспедицій (яны-курганской и акъ-мечетской), что повело бы меня слишкомъ далеко и заставило бы исчислить подробно составъ и ходъ той и другой, которые болѣе или менѣе извѣстны военнымъ людямъ нашимъ“. Если бы реценцентъ выписаль эту фразу и другія, относящіяся къ тому же предмету, то читатель могъ бы самъ судить, дѣйствительно ли я такъ виновать, что нахожу осаду, приведенную къ концу въ 23 часа, болѣе удачною, нежели осаду, длившуюся 22 дня, при чемъ обѣ крѣпости, какъ соглашается и самъ реценцентъ, были равносильны, но осаждавшіе имѣли гораздо болѣе средствъ во второмъ случаѣ.

На основаніи такого крупнаго факта, на указаніи свойствъ крѣпости (четыреугольникъ съ высокими стѣнами) и употребленныхъ при осадѣ орудій, развѣ нельзя было произнести приговоръ? Для того, чтобы рѣшиться высказать свое мнѣніе, развѣ надо предварительно утомить читателя подробностями, ему давно извѣстными? Г. Безъимянный всячески старается доказать, что у меня „самый рутинный взглядъ, который можно развѣ встрѣтить въ застарѣлыхъ курсахъ фортификаціи“, и т. д. Тутъ же приплелъ онъ и Севастополь. Бѣдный Севастополь—на одной доскѣ съ Яны-Курганомъ и Акъ-Мечетью! Посмотримъ од-

нако, чей взглядъ рутиннѣе. На замѣчаніе, что иногда нѣсколько эскадроновъ гусаровъ, даже безъ артиллеріи, брали большія крѣпости и что, наоборотъ, союзники осаждали Севастополь 11 мѣсяцевъ, можно только сказать, что, въ этихъ случаяхъ, гусары дѣйствовали рациональнѣе, болѣе сообразно съ обстоятельствами, нежели первоклассныя державы: логика останется всегда логичною, и должно согласиться, что первоклассныя державы дѣлали ошибки, несмотря на свою первоклассность. Сваливать всю оборону на живыя стѣны, какъ дѣлаетъ критикъ, очень легко, но къ дѣлу непримѣнимо. До взятія Акъ-Мечети коканцы уже имѣли дѣло съ русскими, знали ихъ силу (у нихъ мы взяли нѣсколько крѣпостей), но, несмотря на то, и тогда и послѣ они защищались упорно. Напрасно г. Безъимянный говоритъ, что я забылъ о минныхъ работахъ и о штурмѣ обвала Акъ-Мечети. Это отнюдь не доказываетъ храбрости коканцевъ, а доказываетъ только то, что всего этого, какъ теперь видно, и дѣлать не слѣдовало. Но не забылъ ли г. рецензентъ о предшествовавшихъ осадѣ Акъ-Мечети дѣйствіяхъ или, можетъ быть, о нихъ онъ и не слыхалъ?

Изъ словъ г. Безъимяннаго можно развѣ вывести то заключеніе, что каждая крѣпость должна осаждаться по правиламъ Вобана, что дѣло не въ томъ, чтобы взять крѣпость, но чтобы взять ее по правиламъ науки, чтобы было о чемъ подумать, чтобы остались красивые планы для назиданія потомства. Кто же изъ насъ держится рутины?

Гнѣваясь болѣе и болѣе и все менѣе придерживаясь изложенныхъ въ моей статьѣ мнѣній, критикъ обвиняетъ меня въ употребленіи общихъ фразъ, но въ доказательство не приводитъ ни одной изъ нихъ и, наконецъ, разразился анекдотомъ, не столько остроумнымъ, сколько мало занимательнымъ, изъ своей школьной жизни. Мораль анекдота та, что г. Мейеръ говоритъ *вздоръ*. Коротко и ясно; съ этого слѣдовало бы и начать. Однако, высказывая съ такою примѣрною скромностію свой взглядъ на мое невинное твореніе, не мѣшало бы подтвердить выводъ хотя какими нибудь доказательствами, цитируя, напримеръ, мои фразы безъ всякаго смысла, и заявить своей опытный взглядъ разоблаченіемъ того, гдѣ именно скрывается незнаніе дѣла. Какъ понять вотъ эту фразу: „Если знаніе дѣйствительно существуетъ, то, какъ бы коротко описаніе ни было, оно выкажется неперемѣнно“. Самъ же рецензентъ увѣрялъ, что

описанія нѣтъ, а теперь говоритъ, что оно есть! чему же вѣрить? Далѣе: „Знаемъ мы, что означаетъ: предоставить спеціалистамъ...“ и т. д. Для ясности, нужно было бы растолковать эту таинственную фразу; но рецензентъ этого не сдѣлалъ. Отчего же онъ такъ осерчалъ, зачѣмъ прибѣгнулъ къ брани? Ключъ къ рѣшенію въ концѣ его разбора. Разгадка простая: есть поговорка „не тронь нашихъ“; ну, нашихъ задѣли, и давай рубить съ плеча. Еще одно замѣчаніе. До слова *вздорз*, г. Безъимянный добросовѣстно ограничился искаженіемъ моихъ мыслей, передѣлывая ихъ на свой ладъ, выпуская, что казалось ему излишнимъ, но за то въ концѣ разбора онъ уже не стѣсняется: размашистая натура расходилась, онъ прямо говоритъ то, о чемъ я не только не высказывался печатно, но чего мнѣ и во снѣ не снилось. Для сравненія съ изложеннымъ въ моей статьѣ привожу окончаніе замѣтки моего рецензента:

„Описаніе западной оконечности Каратаускихъ горъ нѣсколько интереснѣе. Ясно, что здѣсь предметъ былъ болѣе по плечу автору. Но излишняя самоувѣренность проглядываетъ и тутъ. Г. Мейеръ, говоря о *минералахъ урочища Джулукъ*, *открыто смѣется* надъ *другимъ уже разрядомъ* спеціалистовъ, которые будто бы разнесли молву, что въ каратаускихъ возвышенностяхъ есть золото. Авторъ даетъ честное слово, что его нѣтъ. И затѣмъ охуждаетъ *юношей*, получающихъ по 12 балловъ изъ минералогіи и принимающихъ блески слюды за металлъ, а русскій деготь за нефть. Г. Мейеръ такъ *открыто бранится*, что мы, конечно, изъ опасенія прекословить, будемъ ему вѣрить наслово, что золота нѣтъ; по всей вѣроятности, и *и. горныя инженеры* согласятся, что, въ этомъ случаѣ, слова г. Мейера вполне достаточно“.

Теперь прошу читателя прочесть, что сказано у меня:

„Я сказалъ, что практическая польза минераловъ этихъ горъ мнѣ кажется ничтожною. Тѣмъ болѣе можно это примѣнить къ самой *долинѣ Сыра*, особенно по причинѣ безлѣсья. Между тѣмъ, при постройкѣ *Джулеки*, формальнымъ образомъ заявлено о существованіи золота, и, кажется, о нашей новой Калифорніи гдѣ-то уже успѣли печатно потолковать. Обязанность каждого честнаго человѣка разоблачать такой сумбуръ. *Около Джулеки золота нѣтъ* и быть не можетъ. Это, впрочемъ, во-

все не печальное извѣстіе; но грустно то, что люди, которымъ, по своему званію, слѣдовало имѣть хотя легкое понятіе о строеніи земной коры, и которые на публичныхъ экзаменахъ, вѣроятно, получили 12 балловъ за минералогію, могли принять колчеданъ и мелкія блестки слюды за металлъ, и не только увлечься временно, но упорно держаться своихъ убѣжденій. Что жь! *Humanum est errare*. Этимъ еще дѣло не ограничилось, есть фактъ еще забавнѣе: *почтенный строитель* принялъ серьезно нашъ православный березовый деготь за нефть—до того воображеніе было настроено на великія открытія. Не шутя говоря, грустное явленіе.... Оставимъ его и обратимся къ нашему предмету.“

Гдѣ же тутъ рѣчь о золотѣ Каратаускихъ горъ? Тамъ оно, быть можетъ, и есть, но въ Джулекѣ-то его нѣтъ. Откуда взялись *юноши*? я, кажется, говорилъ о лицахъ почтенныхъ. Къ чему приведены горные инженеры: они ни въ чемъ не виноваты—въ Джулекѣ не было ни одного горнаго инженера. Но читатель, быть можетъ, догадывается, что въ томъ-то и состояла вся цѣль замѣтки: надо было доказать, во что бы то ни стало, что вся статья моя чепуха, дребедень, и все для того, чтобъ своихъ выручить. Вотъ она гдѣ разгадка, вотъ ключъ къ гнѣву господина рецензента. Для этого онъ вмѣшалъ въ дѣло и горныхъ инженеровъ: авось-де читатели повѣрятъ, что рѣчь идетъ именно о горныхъ инженерахъ.

Если г. Безъимянный полагаетъ, что есть горные инженеры, неумѣющіе отличить блестокъ слюды отъ золота, пусть онъ это докажетъ—найдутся люди, сумѣющіе отвѣтить ему—но въ моей статьѣ ясно сказано, о *какихъ* инженерахъ идетъ рѣчь, и потому не было надобности упрекать меня въ неуваженіи къ познаніямъ нашихъ горныхъ инженеровъ.

Л. МЕЙЕРЪ.

Г. Оренбургъ.

28 февраля 1863 года.